

Александр Иванович Куприн

Пегие лошади

Апокриф

Николай-угодник был родом грек из Мир Ликийских. Но грешная, добрая, немудренная Русь так освоила его прекрасный и кроткий образ, что стал извека Никола милостивый ее любимым святителем и ходатаем. Придав его душевному лицу свои собственные уютные черты, она сложила о нем множество легенд, чудесных в их наивном простосердечии. Вот — одна.

Ходил, ходил однажды батюшка Николай-угодник по всей русской земле, по городам, по деревням, сквозь леса дремучие, через болота непролазные, путями окольными, дорожками просельными, в дождь и снег, в холод и зной... Всегда у нас ему много дела: умягчить сердце жестокого правителя, обличить судью неправедного, построжить жадного не в меру торговца, вызволить из сырой тюрьмы невинно заключенного, испросить помилование приговоренному к напрасной смерти, подать помощь утопающему, ободрить отчаянного, утешить вдову, пристроить сироту к добрым людям...

Народ наш — темный народ, слабый,

неученый. Весь он грехом оброс, как старый придорожный камень грязью и мхом. Куда ему обратиться в тяжелой беде, в болезни, в прискорбный покаянный час, когда глаза сквозь стены видят? К Господу — далеко и страшно. Заступницу Небесную можно ли тревожить мужицкой коростою? Другие святители и преподобные — каждый по своей части. Некогда им. А Никола — он свой, небрезгливый, простой, скоропоспешный и для всех доступный. Недаром к нему не только православные прибегают с просьбишками, но и всякие другие народы: и мордва, и зыряне, и вотяки, и черемисы-идолопоклонники. Даже татары — и те его чтут. Воры и конокрады — на что уж люди отпеты, а и те осмеливаются ему досаждать краткой молитвой.

Так-то вот ходил и ходил угодник Николай по древней широкой Руси... Только вдруг является к нему небесный вестник.

— Забрался ты, святитель, в такую трущобину, что сыскать тебя мудрено, и все свои церковные дела ты запустил. А между тем беда идет неминуемая. Восстал на православие злой Арий-Великанище. Книги святоотческие наземь мечет. Хулит святые таинства. Похваляется громко, что в неделю православия стану-де я, Арий-Великанище, посреди Никитского собора и

при всем народе истинную веру навеки ниспровергну... Поспеши же, батюшка Никола, на выручку. На тебя одного надежда.

— Поеду, — молвил святитель.

— Да не медли, родной. Времени совсем чуть-чуть осталось, а путь, сам знаешь, какой долгий.

— Сегодня же поеду. Сейчас. Улетай с миром...

Был у святителя один знакомый стоешник, по имени Василий, человек жизни благочестивой, но по своему делу первый знаток: такого другого протяжного ямщика было не найти. К нему и зашел во двор угодник.

— Облекайся, Василий. Пой коней. Едем.

Не спросил Василий — далеко ли. Знал, что если дело поблизости, то Никола милостивый пешком бы пошел, потому что очень жалел лошадей.

Говорит:

— Слушаю, отец. Посиди в избе. Мигом заложу.